

Валковскій уѣздъ (корреспонденція „Южнаго Края“). Въ валковскомъ уѣздѣ и даже въ самомъ городѣ Валкахъ народонаселеніе по преимуществу земледѣльческое. Правда, въ нашемъ городѣ, или лучше сказать городишкѣ, есть и кустари; но сравнительно съ земледѣльцами, число ихъ, можно сказать, незначительно. Первое мѣсто между ними, по числу производителей, занимаютъ гончари, затѣмъ слѣдуютъ кожевники, шубники и сапожники. Земледѣліе давало возможность валковцамъ, даже безъ постороннихъ заработковъ, кое какъ существовать, и жили крестьяне, если и не припѣваючи, то и не голодаючи. Прошрое лѣто, вслѣдствіе довольно хорошихъ всходовъ и роста, всѣ ждали, что хлѣбъ уродитъ. Но появился жукъ и надежда пропала. Правда, противъ жука, якобы, приняты были энергичныя мѣры: прогоняли жука канатами, ловили его руками, получены были дорого-стоющія жуколовки, нигуда негодныя (теперь они, какъ нигуда негодныя вещи, сложены подъ сараемъ) и пущены въ дѣло. Но ничто не помогло. Жукъ свое дѣло сдѣлалъ, жукъ уничтожилъ хлѣбъ. Этотъ то злополучный жукъ и есть ближай-

шая причина настоящаго голода, голода, который съ каждымъ днемъ даетъ себя больше и больше чувствовать. Въ городѣ и уѣздѣ такая нужда въ хлѣбѣ, что крестьяне не запомнятъ. Грустная и безотрадная картина представится, даже при самомъ поверхностномъ наблюденіи. Всякаго наблюдателя, прежде всего, поразитъ масса нищихъ, въ городѣ и въ селахъ, которые шатаются изъ двора во дворъ, прося, „Христа ради“, кусокъ хлѣба. Нищія и прежде бывали, но не столько какъ теперь. Между ними вы встрѣтите, сплошь и рядомъ, не только стариковъ, старухъ и калѣкъ, но и здоровыхъ работниковъ, работницъ и дѣтишекъ. Дѣтишки пристають къ прохожимъ, просятъ копеечку на хлѣбъ, жалуясь, что мать мало даетъ хлѣба.

На вопросъ, отъ чего не работаете, всюду слышится одинъ и тотъ же отвѣтъ: рады бъ работать, да работы нѣтъ. Зимой, даже за одни харчи, мало было охотниковъ брать на работу. Вотъ одна изъ часто повторявшихся сценъ. Приходить къ одному священнику нищій и просить милостыни. Священникъ узнаетъ своего прихожанина и начинаетъ его укорять.

— Какъ тебѣ не стыдно побираться, вѣдь ты еще здоровый человѣкъ и можешь работать!

— Я буду за харчи робыты, только давайте батюшка работу.

— Гдѣ я тебѣ возьму работу, у меня ее нѣтъ.

— Тото и воно. Вы кажите нема работы, другіи тоже самое балака, а у мене жинка и диты безъ хлиба сидятъ и съ голоду пухнуть. По неволи пидешъ побираться. И раднишій не прохаты, та ничего не поробишь.

Вотъ печальная дѣйствительность! Не вѣрить этому разсказу нѣтъ возможности. По доброй волѣ, когда горькая нужда не гонитъ, по міру не ходятъ.

Не успѣли вы купить возъ дровъ, какъ являются одинъ за другимъ крестьяне съ топорами, предлагая свои услуги порубить. Предлагало купить трудъ много, но покупателей почти не было. Прежде же было совершенно наоборотъ.

При первой встрѣчѣ съ дѣтьми, просящими копеечку на хлѣбъ, я не вѣрилъ ихъ разсказамъ: что они голодаютъ, что имъ матери или отцы мало даютъ хлѣба. Но потомъ, я долженъ былъ убѣдиться, что это не обманъ, а горькая дѣйствительность. Вотъ что мнѣ пришлось узнать: теперь, только у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ, дается въ волю хлѣба членамъ семьи. Когда не было такой нужды, хозяйка, выдавая хлѣбъ, клала его на извѣстномъ мѣстѣ и не отказывала въ хлѣбѣ ребятишкамъ, сколько бы они не просили. Болѣе взрослые сами брали и ѣли столько, сколько кому хотѣлось. Въ настоящее время совсѣмъ не то. Хлѣбъ всегда подъ замкомъ и, въ извѣстное только время, выдается каждому на руки извѣстная доля. Дѣлятъ хлѣбъ или на вѣсъ, или же на глазъ. „Хоть ѣшь, хоть смотри, говорятъ крестьяне, а больше не проси. Все равно больше не дадутъ“. Хлѣбъ дѣлится не поровной части. Кто больше зарабатываетъ, тотъ и большую долю получаетъ, а иногда и самую лучшую. Замѣчу, что и самая большая доля, не вполне достаточна. Но и для такого скуднаго существованія, для существованія впроголодь, часто и очень часто, не только не хватаетъ собственнаго хлѣба, но и заработка. Тогда начинается продажа разнаго имущества. Сначала продается, если есть, корова, свинья, овца, птица, по немногу и, наконецъ, лошаденка. Если же ничего подобнаго нѣтъ, или же все уже продано, тогда продается старая рухлядь. Продають старыя бочки и кадки, продають полотно, которое хозяйки во время длинныхъ зимнихъ вечеровъ пряли для себя, продають даже старую одежду, не исключая поношенныхъ женскихъ и мужскихъ толстыхъ холщевыхъ рубахъ. Я говорю не о единичномъ какомъ-нибудь случаѣ, нѣтъ, это явленіе болѣе или менѣе общее въ настоящее, тяжелое время. Продажу старой одежды можно почти постоянно видѣть на базарѣ, въ особенности въ воскресные дни, когда бываютъ большіе базары. Все, что я сказалъ о безвыходномъ положеніи земледѣльческаго населенія города Валокъ, относится и къ валковскому уѣзду. Про голодовку въ уѣздѣ носится масса слуховъ, одинъ другого мрачнѣе. Одинъ изъ самыхъ настойчивыхъ, это тотъ, что во многихъ хуторахъ и селахъ дѣти положительно пухнуть съ голоду и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, будто бы, появился уже голодный тифъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждутъ будущаго урожая, на него вся надежда на выходъ изъ этого печальнаго положенія. При одномъ воспоминаніи, что прошлогоднее можетъ повториться, всѣ приходятъ въ отчаяніе. Тогда голодь будетъ сплошной со всѣми его ужасными послѣдствіями. Не одни земледѣльцы терпятъ нужду отъ неурожая, терпятъ ее и ремесленники. Всю зиму сидѣли безъ работы и перебивались кое-какъ. Даже передъ праздниками, работы всегда бывало по горло, какъ говорятъ, теперь же недостаточно.

Всѣ ждали весны съ нетерпѣніемъ. Весна настала. Сдѣлалось тепло и сухо. Сады начали развиваться и будутъ цвѣсти хорошо. Всходы яровыхъ хлѣбовъ хороши (раннихъ), а во ржи уже ворона спрячется. Весна по немногу радуется, что дальше будетъ Богъ знаетъ. Съ весной возвратились и ходоки, которые посылались крестьянами, или сами, добровольно и на свой страхъ, ходили отыскивать привольныя мѣста, гдѣ хорошо хлѣбъ родитъ и земли много. Возвратившись, начали разсказывать, гдѣ были, что видали и слыхали. Въ слушателяхъ нѣтъ недостатка. Всѣ эти разсказы, какъ они не различны въ частностяхъ, одинаковы по существу. Всѣ они разсказываютъ про благодатныя страны, въ которыхъ привольно живетъ, легко дышется, гдѣ нѣтъ ни нужды, ни горя, и кто переселиться, сулятъ чуть не золотыя горы. Разсказываютъ преимущественно про кубанскую область, ставропольскую губернію и вообще про Кавказъ. Слушая разсказы о счастливыхъ мѣстахъ, еще болѣе становится крестьянину на душѣ, еще чувствительнѣе онъ дѣлается къ настоящему горю, къ настоящей нуждѣ. И вотъ является самое радикальное средство противъ нужды, это переселеніе въ благодатныя страны, а отчасти хожденіе на заработки въ степи. Жалко родину покидать, но немолимая нужда гонитъ. Въ городѣ и селахъ идетъ говоръ между крестьянами о переселеніи, но на словахъ дѣло не кончается. Много въ настоящее время охотниковъ переселяться. Стало сухо и переселенцы двинулись въ путь. Бѣдняки переселенцы распродаютъ все имущество и на послѣдніе гроши ѣдутъ по чугункѣ въ благодатныя страны. Сколько нибудь зажиточные, распродаютъ, что имъ не нужно, остальное сложивъ на возы,—а на возахъ устроивъ будки холщовыя, отправляются на волахъ или на лошадяхъ въ путь. Переселенцы эти собираются въ таборы и длинною вереницею трогаются въ путь. На дняхъ черезъ нашъ городъ отправился такой таборъ подводъ въ 50. Все это крестьяне или изъ сосѣднихъ деревень какъ, напр., изъ Ковягъ, Барановой, или же изъ самого города Валокъ. Этотъ отрядъ переселенцевъ направился въ ставропольскую губернію въ баталпашинскій уѣздъ. Смотри на массы переселенцевъ, невольно приходитъ масса не веселыхъ думъ. Что ихъ ждетъ впереди? Найдутъ ли и устроятся ли на прекрасныхъ мѣстахъ? Не придется ли, растративши все свое имущество, возвратиться опять на родину съ однимъ кнутомъ? А что послѣднее съ переселенцами очень часто случалось, это ни для кого не тайна. Волостныя правленія завалены просьбами о выдачѣ паспортовъ.

Въ заключеніе, не могу не указать на одинъ интересный признакъ, что нашъ уѣздъ обѣднѣлъ, что въ немъ хлѣба большой недостатокъ,—это исчезновеніе евреевъ изъ нашего города. Прежде евреевъ въ городѣ было много, они разбѣзжали по селамъ и хуторамъ и закупали хлѣбъ, гдѣ было только возможно. Цѣны давали хорошія, но когда хлѣба не стало, то и евреи переселились, должно быть, въ болѣе благодатныя страны. Теперь, кажется, на весь городъ есть одинъ еврей, часовыхъ дѣлъ мастеръ.

